

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ, РАЗУМНОСТИ И ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

*Диденко А.Г., Каспийский общественный университет,
доктор юридических наук, профессор*

Гражданско-правовыми исследованиями советского и постсоветского периода охвачено общественное понимание справедливости, разумности и добросовестности и проблемы применения этих категорий в конкретных правоотношениях. К научным лакунам относится установление соотношения этих понятий и определение их общей роли в частном праве. Я рассмотрю соотношение названных понятий применительно к осуществлению права.

ГК Республики Казахстан (статьи 5, 8) для установления границ осуществления прав использует наряду с понятием справедливости понятия «разумности» и «добросовестности». В ГК РФ справедливость, разумность и добросовестность упоминается в ст. 6, посвященной применению гражданского законодательства по аналогии. Статья 10 ГК РФ, говоря о пределах осуществления гражданских прав, включает в свое содержание понятия добросовестности и разумности действий по осуществлению права, не упоминая справедливости. Аналогично сформулированы нормы в статьях 2, 5, 9 ГК Республики Беларусь. Думаю, редакционные отличия не влияют на научную сущность этих понятий.

Формулировки статей Гражданских кодексов о справедливости, разумности и добросовестности построены по императивной модели и, следовательно, не предполагают описательный характер соответствующих норм, не дают возможности толковать названные термины в качестве синонимичных. Помимо этого, в содержании Гражданских кодексов и других законодательных актов этим терминам придается отчетливое специальное значение. Прежде всего, это относится к понятиям «разумности» и «добросовестности», когда правовые нормы привязывают их к конкретным отношениям.

Существует взгляд, что тому или иному термину должно соответствовать только одно понятие. Однако такое соответствие попросту невозможно. Даже в самой точной из наук - математике - один и тот же термин может обозначать либо совершенно разные понятия, либо близкие по смыслу. Например, термину «квадрат» соответствует одно значение в евклидовой геометрии и другое - в неевклидовой, и этим же термином обозначается возведение числа во вторую степень. В гуманитарных науках многозначность, полисемичность терминов - стандартное явление. Что касается терминов «разумность», «справедливость» и «добросовестность», то с полным основанием можно утверждать, что иногда они выступают как синонимы, иногда их значение совершенно различно, в зависимости от ситуации содержание этих принципов перекрещивается, один поглощает другой или являются разнообъемными. Кроме того, в русском языке у этих терминов много эквивалентов. Так, в судебной практике «разумные меры» используются наряду с такими понятиями, как «рациональность», «логичность», «здравомыслие», «целесообразность» и др. Поэтому, с одной стороны, требуется установить самостоятельное понятийное значение каждого из них, с другой,

следует всегда оговаривать используемый смысл в контексте применения к конкретной ситуации.

Понятия справедливости, разумности и добросовестности в законодательстве и литературе обычно используются вместе. Огромное нравственно-правовое значение этих инструментов не подвергается сомнению, поэтому очевидно искушение возвысить их до уровня правового принципа. Этому искушению поддались многие выступавшие на очередных Цивилистических чтениях (Алматы, май 2014 г.), специально посвященных добросовестности в гражданском праве, когда провозглашали добросовестность принципом гражданского права. Однако в частном праве каждое из этих понятий играет свою специфическую роль. Например, разумность при всей ее практической, политической важности, не только не принцип частного права, но в качестве принципа вообще противоречит его природе, основанной на равенстве и справедливости, в то время как разумность есть эквивалент целесообразности, а не равенства.

Что касается добросовестности, то она в частном праве раздроблена на столь разные феномены, которые не позволяют свести их в единую категорию и объявить ее принципом частного права. Как можно уравнивать правила о границах, установленных для осуществления права с содержанием этого права, то есть отождествить границы явления с содержанием явления? Или как объединить совесть при совершении *действий* при реализации субъективного права и простую неинформированность приобретателя? Нельзя соединить добросовестность при осуществлении права с добросовестностью исполнения обязанностей, характеризующую вину как условие ответственности.

Так что, в научном плане вряд ли можно говорить о каком-то едином принципе добросовестности, пронизывающем частное право. Существует больше оснований полагать, что к отдельным группам правовых явлений привязано самостоятельное понятие добросовестности, каждое из которых имеет общие признаки, но не объединены единой сущностью.

Со справедливостью дело обстоит по-иному. Все ее проявления цементируются идеей равенства и потому выступают разновидностью общего понятия справедливости.

Определение справедливости в моем понимании, которое в настоящем тексте мне приходится давать без специальных обоснований, звучит следующим образом: «Справедливость в частном праве означает то, что в действиях субъектов, принимающих нормативно-правовые акты, а также лиц, осуществляющих реализацию права, воплощено адекватное отражение подлинного состояния имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений в соответствующей сфере, а также прогрессивных тенденций их становления и развития. В этих действиях должны быть отражены как природное равенство людей, так и этические воззрения общества или отдельных его слоев на частноправовые отношения».

Необходимость использования разумности и добросовестности при осуществлении права возникает тогда, когда возникает неопределенность в правоприменительной ситуации, не предусмотренная осуществляемым правом.

Применение принципа разумности при осуществлении права требуется тогда, когда возникшая неопределенная ситуация дает возможность выбора между несколькими возможными решениями, требующими остановиться на наиболее целесообразном из них, сводящем к минимуму ущемление интересов других лиц. Например, лицо, контрагент которого не предоставил ему требуемый товар, имеет возможность выбора приобретения аналогичного товара у нескольких продавцов по более дорогой цене, чем было предусмотрено в договоре с первоначальным продавцом. Разумное осуществление этого права предполагает нахождение оптимального, основанного на экономическом расчете такого контрагента, договор с которым сведет к минимуму убытки нарушителя.

Применение принципа добросовестности при осуществлении права требуется тогда, когда возникшая неопределенная ситуация требует для ее разрешения включения специальной нравственной самооценки действий по осуществлению права. Например, право кредитора требовать долг в течение определенного периода времени может потребовать при его осуществлении добросовестного поведения кредитора, если у должника возникли какие-то особые сложности: тяжелая болезнь, гибель имущества и т. п. В этих случаях требование долга в начале периода на заявление требования об уплате можно будет считать недобросовестным.

Упоминание о разумности в гражданском законодательстве встречается часто: разумный срок, разумные меры, разумная цена, разумные расходы. Большинство норм с этими понятиями относятся к требованиям по исполнению обязанностей, а не осуществлению прав.

Разумное может не иметь никакого отношения к справедливости, поскольку разумность включает в себя целесообразность, а последняя лежит вне понятия справедливости. Из понятия справедливости целесообразность следует исключать, поскольку в противном случае будет размыт главный признак справедливости - равноправие субъектов правоотношения. Поэтому будет ошибочно утверждать, что в частном праве все, что целесообразно, является справедливым. Вынужденность того или иного решения может быть объяснима, порой неизбежна, но нельзя говорить, что она всегда справедлива, хотя не исключается ее разумность. Например, у государства может не быть достаточно финансов, чтобы справедливо распределить их между всеми слоями населения, и оно вынуждено расставлять приоритеты расходования средств.

Подчеркиваю, что это рассуждение относится к области частного права. В публичном праве нет необходимости проводить грань между справедливостью, разумностью, целесообразностью, где разумность и целесообразность того или иного решения сливается с понятием справедливости.

Добросовестность при осуществлении права - это действия, совершаемые на основе собственной нравственной оценки своего поведения, которая должна отражать стандартный уровень общественных взглядов на соответствующие отношения. Интересна по этому поводу точка зрения В. Ема, не являющаяся принципиально новой, но которая четко обозначает дискуссионное поле. Он не разделяет ни взгляд на добросовестность как объективную категорию, ни на

отождествление ее с нравственными началами. В его трактовке добросовестность категория этически безразличная, не несущая нравственной нагрузки, и представляет собой субъективное состояние лица, которое не знает и не может (не должно) знать о факте, знание которого с точки зрения закона делает поведение лица недобросовестным, неправомерным [1, с. 401-402]. Авторы казахстанского учебника по гражданскому праву дублируют приведенный взгляд [2, с. 678].

Уязвимость этой позиции мы усматриваем в следующем. В. Ем дает определение добросовестности, основываясь на раскрытии содержания понятия добросовестного приобретателя имущества. Здесь, как правильно подмечает автор, закон имеет в виду этически нейтральный факт неинформированности приобретателя об определенных фактах. Однако приравнять информированность или ее отсутствие к добросовестности или недобросовестности нельзя. Думается, что в данном случае на ошибочный вывод влияет полисемическое значение правовой терминологии. Добросовестность приобретателя означает неупречность его поведения со стороны других лиц, а не самооценку его действий (верную или неверную это уже другой вопрос), производимую при осуществлении своего права. К тому же, заметим, приобретение имущества не относится к действиям по осуществлению субъективного права.

Что касается объективности категории добросовестности, то, действительно, как писал И. Новицкий, которого цитирует В. Ем, никто не сумел показать, как обнаружить идеал честного поведения, какого можно требовать от каждого члена общества и которым должен руководствоваться суд при оценке его поведения, и как избежать личных пристрастий суда при применении такого весьма «каучукового» критерия.

В силу теоретической важности вопроса об объективном содержании не только добросовестности, но и иных оценочных понятий, я повторю некоторые из своих взглядов по этому поводу [3, с. 31-59].

В субъективном усмотрении лица, применяющего оценочные понятия, должно присутствовать нечто всеобщее, выше которого непозволительно возвышаться собственной индивидуальности лица. Чисто случайное понимание по типу: нравится-не нравится, часто обманчивое и ошибочное, подменяет необходимое начало, содержащееся в большинстве оценочных понятий. Это всеобщее, являющееся квинтэссенцией правовой определенности, содержится в понимании действующего права, в содержании разумности, добросовестности, очевидности, существенности и пр., сформированном столетиями применения, истолкования, уяснения, оно зиждется на авторитете бесконечного повторения сходных убеждений индивидов, авторитете государства.

Правовая наука сталкивается здесь с особым соотношением категорий субъективного и объективного в праве. Конечно, оценочное понятие без субъективного усмотрения есть лишенная реальности абстракция; реальность обретается только посредством субъективной воли. Но, с другой стороны, субъективная воля, признавая что-либо значимым, не должна останавливаться на том, что данное лицо полагает значимым. Значимое состоит в проникновении в идеи дей-

ствующего права, иначе говоря, оно заключается в знании и понимании права и его духа. Субъективность, предопределенная «каучуковостью» содержания понятия, должна возвыситься до точки зрения современной правовой цивилизации, во всяком случае, до того уровня цивилизации, который воплощен в правовой системе данного государства. Поэтому у субъективного усмотрения того же судьи или сторон договора имеются объективные, достаточно установимые границы, а не определяемые только его субъективными знаниями, мнением и личным опытом.

Действительная глубина и объективность оценочных понятий при опоре на индивидуальные оценки, вкус, знания остаются непостижимыми, ибо для этого требуется полнота и адекватность усвоения разумом ценности права. Отсутствие критериев в разграничении добросовестного и недобросовестного, явного и не явного и т. п. означало бы, что остается руководствоваться лишь субъективным вкусом, которому нельзя предписывать правила и о котором нет смысла спорить. Но даже в сфере художественного творчества творец сознательно или неосознанно подчиняет свою фантазию твердым законам жанра. В области права мы можем наблюдать гораздо большую предопределенность структурных форм, содержания норм, действий субъектов факторами объективного свойства. Законодатель имеет определенную свободу выбора метода регулирования той или иной группы общественных отношений (он может признать какие-то действия преступлением или нет, облечь передачу государственного имущества в форму поставки или купли-продажи, или административного распоряжения и т. д.), но после осуществленного выбора соответствующие правовые нормы попадут уже независимо от его воли в определенную отрасль права, в определенный правовой институт и должны будут подчиняться внутренним законам этой отрасли и института. Эта идея относится и к степени предопределенности поведения субъектов правоотношения. Стороны договора имеют свободу выбора вида заключаемого договора. Но, свободно избрав вид договора, сторона должна знать, что она подчиняет себя, во-первых, содержащимся в законодательном регулировании данного договора оценочным понятиям, во-вторых, той мере объективности оценочных понятий, которая сложилась в праве.

В связи со сказанным мы приходим к выводу, что категория добросовестности содержит в себе нравственные критерии, опирающиеся на твердое объективное основание в виде сложившихся в обществе или отдельных его слоях устойчивых и прогрессивных взглядах на соответствующие отношения.

Понятия добросовестности и разумности привязаны к определенному типу субъектов: «среднему человеку», «обычному предпринимателю» и т. п. Отталкиваясь в оценке действий лица в качестве добросовестного и разумного нужно как раз от абстрактной типизированной фигуры, а не взглядов конкретного субъекта, иначе добросовестным может оказаться чеховский злоумышленник, отвинчивающий гайки с рельс для грузил и искренне недоумевающий, что это плохо.

Список использованных источников

1. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Е. Суханова. - М.: Статут, 2010.

2. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т 1: Общая часть / под ред. М. Сулейменова. - Алматы, 2013.

3. Диденко, А. Оценочные понятия в гражданском законодательстве / А. Диденко // Теория гражданского права: вызовы времени. - Алматы: Раритет, 2013. - С. 31-59.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПУБЛИЧНЫХ УСЛУГ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Дубицкий В.М., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Феномен публичных услуг, получивший распространение в последние годы в государствах СНГ, до настоящего времени не нашел четкого правового обоснования в доктрине. Исходя из этого, представляется актуальным обратиться к опыту стран Европейского союза, имеющих в данной сфере значительные теоретические и практические наработки. Наибольший интерес здесь представляют Франция и Германия, в которых получили развитие две основные концепции публичных услуг.

Во Франции сформировался подход, согласно которому обязанности отдельных публичных служб (в особенности имеющих экономическую природу) могут возлагаться на субъектов частного права. Данный подход охватывает не только основные властные функции государства, но и сферы, в которых возможно построение отношений по модели гражданско-правовых обязательств. Исходя из этого, категория публичных служб трактуется достаточно широко - как любая обязательная деятельность во всеобщих интересах, осуществляемая под руководством субъекта публичного права [1, с. 137].

Публичная служба обычно включает в себя две составляющих: организационную и материальную. Первая связана с лицами, осуществляющими службу (субъекты публичного права, а также уполномоченные субъекты частного права), вторая - с содержанием деятельности, главную цель которой представляет общественная польза. Э.В. Талапина отмечает, что публичные службы во французской доктрине - это родовое понятие, объединяющее все виды общезначимой и обязательной деятельности публичных лиц как на национальном, так и на локальном уровнях, в том числе материальная деятельность (юстиция, почта, телефон, вода, газ, электричество, уборка мусора, детские сады), финансовая деятельность (субвенции, кредиты, социальная помощь, пособия, стипендии), культурная деятельность (публичное образование) и др. [1, с. 149].

Необходимо отметить, что категория публичных служб во Франции шире традиционного понимания публичных услуг. Феномен служб охватывает как саму деятельность, так и субъекта ее осуществления в их единстве; функционирование служб не всегда носит характер предоставления в пользу частных лиц.

Французская концепция публичных служб с учетом определенных изменений и национальной специфики была воспринята многими государствами континентальной правовой семьи (Испания, Италия, страны Латинской Америки и др.).

Несколько отличный от французского подход к пониманию феномена публичных услуг сложился в Германии, где они являются частью общей категории «государственное управление». В свою очередь, государственное управление разграничивается